

Наказание

Цель романа «Преступление и наказание» не в том, чтобы вывести перед глазами читателей какой-нибудь новый тип, изобразить «бедных людей», «подпольного человека», людей «мертвого дома» или «отцов и детей». Весь роман сосредоточился около одного поступка, около того, как родилось и совершилось некоторое действие и какие повлекло последствия в душе совершившего. Суть романа в его названии; не в имени героя, а в названии события, с ним случившегося. Предмет обозначен вполне ясно: дело идет о преступлении и наказании.

Удивительно точно изображены все те процессы, которые совершаются в душе преступника; живо и глубоко схвачено то, как идея преступления зарождается и укрепляется в человеке, как борется с ней душа, инстинктивно чувствуя ужас этой идеи; как человек, вскормивший в себе злую мысль, почти лишается воли и разума и слепо повинует ей; как он механически совершает преступление, долго созревавшее в нем органически; как пробуждается в нем потом страх, подозрительность, злоба к людям, от которых ему грозит кара; как начинает он чувствовать омерзение к себе и к содеянному; как прикосновение живой и теплой жизни пробуждает в нем муки бессознательного раскаяния; как, наконец, ожесточенная душа не выдерживает и размягчается до чувства умиления.

Перед этим страшным процессом личность Раскольникова с ее особенностями совершенно сглаживается и исчезает. Сперва поглотила его извращенная идея, а потом в нем с неодолимой силой просыпается человек, человеческая душа, и мучит его своим пробуждением, с которым он старается совладать. При таких явлениях индивидуальность действующего лица отступает на задний план. Это следует из самого смысла романа. Преступление вовсе не является действием, характерным для личности Раскольникова; люди, в характеристику которых входит преступление, совершают дела этого рода гораздо легче и совершенно иначе. Раскольникову же просто довелось перенести на себе преступление; можно сказать, что оно с ним случилось, и душа его отозвалась на него так, как отозвалась бы, вообще говоря, душа всякого нормального человека.

Личность Раскольникова подавлена самым событием. После совершения преступления для Раскольникова начинается двоякий ряд мучений. Во-первых, мучения страха. Несмотря на то, что все концы спрятаны, подозрительность не оставляет его ни на минуту и малейший повод к опасению нагоняет на него мучительный страх. Второй ряд мучений заключается в тех чувствах, которые испытывает убийца при сближении с другими людьми, с лицами, у которых нет ничего скверного на душе, которые полны теплотой и жизнью. Сближение это происходит двояким образом. Во-первых, самого преступника тянет к живым людям, потому что ему хотелось бы стать с ними наравне, отбросить ту преграду, которую он сам положил между ними и собой. Вот отчего Раскольников отправляется к Разумихину. «Сказал я, — думает он про себя, — третьего дня... что к нему после *того* на другой день пойду, ну что ж, и пойду! Будто уж я не могу теперь зайти...» По этой же причине он начинает усердно хлопотать о раздавленном Мармеладове и сближается с его осиротевшим семейством, особенно с Соней. Второе обстоятельство, по которому Раскольников очутился среди людей живых и имеющих близкие к нему отношения, заключается в приезде его семейства в Петербург. То письмо, которое было последним толчком к убийству, содержало в себе известие, что мать и сестра Раскольникова должны явиться в Петербург, где сестра и пожертвует собою, выйдя замуж за Лужина. Таким образом, Раскольников, бывший до тех пор одиноким и удалявшийся от людей, теперь волей-неволей окружен людьми, с которыми ближе всего связан. Если бы эти люди были около Раскольникова прежде, то он никогда бы не совершил преступления. Теперь же, когда преступление совершено, эти люди дают повод к пробуждению в душе преступника всевозможных мук, вызываемых прикосновением жизни к душе, извратившей себя

и коснеющей в своем извращении. Таково весьма простое, но вместе с тем очень правильное и искусное построение романа.

Очень правильно развита постепенность в душевных страданиях преступника. Сперва Раскольников совершенно подавлен случившимся и даже заболевает. Первая его попытка сойтись с живыми людьми, встреча с Разумихиным, просто ошеломляет его:

«Подымаясь к Разумихину, он не подумал о том, что с ним, стало быть, лицом к лицу сойтись должен. Теперь же, в одно мгновение, догадался он уже на опыте, что всего менее расположен в эту минуту сходиться лицом к лицу с кем бы то ни было на свете».

Он уходит, не владея собой. Точно так же подавляет его страх. Он разрешается страшным, томительным сновидением, после которого Раскольников заболевает.

Мало-помалу, однако же, преступник становится крепче. Он сходится с Разумихиным, хитрит с Заметовым, принимает деятельное участие в судьбе семейства Мармеладовых, в судьбе своей сестры, увертывается от хитрого следователя Порфирия, открывает свою тайну Соне. Но, по мере того как преступник овладевает собой, страдание его не ослабевает, а становится только постояннее и определеннее. Сначала он еще чувствует порывы радости, когда страх, нагнанный какой-нибудь случайностью, отлегал вдруг от сердца или когда ему удается сблизиться с другими людьми и почувствовать себя все еще человеком. Но потом эти колебания исчезают:

«Какая-то особенная тоска начала сказываться ему в последнее время. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вечность на “аршине пространства”».

Вот те мотивы, на которые написана самая большая, центральная часть романа.

По Н. Страхову

Совершив преступление, Раскольников оказался не в состоянии вынести всех его последствий. Он слишком понадеялся свои силы, и эта надежда обманула его. Достоевский шаг за шагом следит за сменой чувств и настроений в душе Раскольникова и показывает, как он постепенно, с закономерной неизбежностью приходит к той развязке, которая заставляет его отдаться в руки правосудия.

Двойное убийство (вторую, случайную жертвой Раскольникова делается кроткая и простодушная Лизавета, сестра старухи ростовщицы) потрясает до основания весь его душевный организм. Чувство полной растерянности, бессилия и отвращения к самому себе овладевает им, и только инстинкт самосохранения побуждает его принять какие-либо меры для того, чтобы скрыть следы своего преступления. Но мысль об этом преступлении ни на минуту не оставляет его, преследует его повсюду, мучит его, как тяжелый кошмар. И вся жизнь превращается для него в какой-то сплошной, мучительный кошмар, самая действительность принимает в его глазах какие-то призрачные формы, так, что он иногда сам не сознает хорошенько, бредит ли он или видит что-либо наяву. Вся прошлая жизнь кажется ему чем-то бесконечно далеким, он чувствует себя точно отрезанным от всех и от всего, и в его душе все более и более растет какое-то «мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения». Его угнетает сознание невозможности простых, искренних человеческих отношений даже с самыми близкими людьми. Страшная тайна, которую он постоянно носит с собой, разобщает его со всем окружающим. Ему тяжело с матерью и сестрой, хотя он их горячо любит. Дуня, благодаря своей врожденной чуткости, быстро подмечает это, хотя и не понимает причину подобного отношения. Ей невольно бросается в глаза та принужденность, которую Раскольников постоянно обнаруживает в отношениях с ними. «Он точно по обязанности отвечает», – замечает Дуня. И сам Раскольников также мучительно чувствует это отчуждение, отделяющее его от близких ему лиц: «... Точно из-за тысячи верст на вас смотрю...» – говорит он им.

Вместе с тем, однако, Раскольников чувствует непобедимую потребность поделиться с кем-нибудь своей тайной, раскрыть кому-нибудь свою душу. Он почти не в состоянии сдержаться и едва не пробалтывается Заметову, а затем Разумихину. То же странное и непонятное чувство заставляет его отправиться к следователю Порфирию Петровичу, хотя в этом вовсе не было настоящей необходимости. Он испытывает такое ощущение, точно ходит по краю пропасти, и его тянет туда, и в этом «диком, истерическом ощущении» заключается для него «часть нестерпимого наслаждения». В конце концов эта мучительная потребность открыть кому-нибудь страшную тайну своего преступления одерживает верх над всеми соображениями благоразумия, и Раскольников идет к Соне и объявляет ей обо всем, что он совершил. Он избирает именно Соню для этого признания, потому что она, как и он сам, такая же «преступница», с точки зрения обычной морали, такая же «отверженная», «падшая». Но Соня нарушила моральный закон, «преступила», из совершенно иных побуждений, чем Раскольников: она пожертвовала собою, «наложила на себя руки», по выражению Раскольникова, чтобы спасти от голодной смерти свою семью: пьяницу отца, больную и озлобленную мачеху и ее маленьких детей. Совершив высокий подвиг самоотвержения, Соня несет свой жизненный крест безропотно и покорно, затаивая свои нравственные терзания в глубине души. И этот молчаливый героизм вызывает в Раскольнике восторженное удивление, и в порыве неожиданного чувства он кланяется ей в ноги. В этот момент Соня представляется ему как бы живым воплощением человеческого горя.

Раскольников не довольствуется просто признанием: он старается объяснить Соне внутренние мотивы своего преступления. Впрочем, в этот момент он вовсе не считает совершенного им убийства преступлением. Его мучит не убийство само по себе, не угрызения совести, а сознание, что он не в силах вынести всех его последствий и что он поэтому не имел права «переступить». Он казнит сам себя за эту слабость своей природы, не позволившую ему вынести до конца страшного испытания, предпринятого им. Из этого испытания Раскольников вынес убеждение, что он не принадлежит к разряду Наполеонов, которым «все позволено», и это убеждение причиняет ему наибольшие мучения:

«Нет, те люди не так сделаны; настоящий *властелин*, кому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, — а стало быть и *всё* разрешается. Нет, на таких людях, видно не тело, а бронза!»

И это сознание, что он — не Наполеон, а «дрожащая тварь», и что, следовательно, он понапрасну пролил кровь, не имея на это «права», — наполняет его душу холодным отчаянием. «Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя навеки!» — восклицает он.

Признаваясь перед Соней в совершенном преступлении, Раскольников хотел только снять с себя хотя бы отчасти бремя своей страшной тайны. В этот момент он не чувствовал еще никакого раскаяния, а в сделанном видел только роковую «ошибку». Но Соня совсем иначе взглянула на дело: в ее лице Раскольников нашел себе нелицемерного судью, обращавшегося прежде всего к его собственной совести. Первым словом, которое вырвалось из ее груди, когда она узнала о преступлении Раскольникова, было отчаянное восклицание: «Что вы, что вы это над собой сделали!» — и тотчас же она прибавляет с истерическим плачем: «Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете!» В этих двух невольных восклицаниях выразилась вся сущность ее воззрений на преступление: она считает, что своим преступлением Раскольников совершил грех против собственной нравственной природы и что поэтому преступление есть величайшее «несчастье». Но вместе с тем Соня тотчас же указывает Раскольникову и тот выход, который ему еще остается: «страдание принять и искупить себя им».

«Поди сейчас, сию же минуту, – говорит она ему, – стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: “Я убил!” Тогда Бог опять тебе жизнь пошлет».

Однако Раскольников не сразу пошел по тому пути, который так ясно был указан ему Соней. Он еще пробовал сопротивляться, пробовал уклониться от того «неумолимого приговора», который заключался для него в словах Сони. Но внутренние терзания были слишком велики, чтобы он мог долго оставаться в том же неопределенном и мучительном положении. К тому же из слов Порфирия Петровича он убедился, что на него пало подозрение, что за ним неотступно следят, что каждую минуту его могут арестовать и отправить в тюрьму. Раскольникову не остается другого выбора: или наложить на себя руки, или добровольно отдаться в руки правосудия. Он решает на последнее. Но даже после принятого решения он совершенно далек от внутреннего раскаяния. «Но я не знаю, для чего я иду предавать себя», – говорит он сестре, а когда та отвечает, что покаянием и страданием он наполовину смывает свое «преступление», Раскольников восклицает в каком-то внезапном бешенстве:

«Преступление? Какое преступление!.. то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? Не думаю я о нем и смывать его не думаю».

С таким же настроением Раскольников отправился и на каторгу. И здесь также первое время он мучился теми же мучениями внутренней пытки, которая заключалась в сознании напрасно погубленной собственной жизни. Он еще не чувствовал раскаяния, а без этого раскаяния невозможно было для него и нравственное возрождение. Но с ним вместе отправилась в Сибирь и Соня, — и ей-то, этой безгрешной грешнице, удалось совершить в душе Раскольникова чудо нравственного возрождения. Она совершила это чудо не словами, не призывом к исправлению, а живым примером своей личности, всецело проникнутой кротостью, незлобием и всепрощением. Все страдания жизни не внесли озлобления в ее душу, к ней не пристала никакая жизненная грязь, она и в падении сохранила высокую нравственную чистоту, потому что самое падение ее было следствием ее высокой самоотверженной любви к ближним. И гордая, мятежная душа Раскольникова смирилась перед величием этой самоотверженной любви, и эта любовь воскресила его к новой жизни, потому что «сердце одного заключало в себе бесконечные источники жизни для сердца другого». Но Достоевский не рассказывает нам историю этого душевного воскресения, ограничиваясь лишь указанием на этот переворот, обновивший нравственное существование Раскольникова, вернувший его к жизни и к людям.

По В. Саводнику

В разработанном плане убийства Раскольников не предвидел именно того, что между теоретическим решением и практическим осуществлением часто лежит бездна, что кажущееся в теории столь легким и даже наполняющее самодовольством и гордостью в действительности обнаруживает неожиданный, грозный и зловещий смысл. Он предвидел многое в задуманном плане и представлял себе почти все внешние его следствия, но не мог предвидеть внутреннего самочувствия как в момент пролития крови, удара топором по черепу старухи, так и в последующие дни и ночи. Раскольников, как теоретик и как индивидуалист, считался только с самим собой, со своими интеллектуальными целями, между тем как готовился идти и свершить насилие, отнять жизнь у другого. В основе своей ошибочность теории Раскольникова сводится к тому, что он нравственным законам вообще и заповеди «не убий» в частности приписывал чисто внешнее значение, которое должно быть внешним же образом обязательно для одних и от признания которого могут быть освобождены избранные. Потому-то он, готовясь к убийству, все время мысленно обдумывает лишь свои логические положения, но не останавливается сознательно на

сущности самого момента убийства. И лишь смутно что-то в нем протестует против принятого решения, и он чувствует тоску и отвращение при мысли о необходимости совершить убийство. И после совершения преступления, когда он тщетно силится разобраться в своих ощущениях, он полагает, что все дело просто в том, что у него не хватило сил «преступить» нормы, посметь. «Я ведь только вошь убил, Соня, – говорит он Соне, – бесполезную, гадкую, зловредную». «Это человек-то вошь?» – восклицает Соня, и этим подчеркивает свое особое, глубоко религиозное отношение к человеческой жизни. Для Сони Мармеладовой нравственные законы, заповеди жизни вложены глубоко в основу души человеческой, и никто, какой бы высоты ни достиг человек, не может преступить эти заповеди и законы без того, чтобы не изуродовать свою жизнь, не совершить страшного насилия над своей же душой.

Что касается самого Раскольниковова, то он до конца романа, до заключительных строк эпилога, не понимает этого религиозного отношения Сони к жизни. Но автор показывает, как в непосредственной жизни Раскольниковова обнаруживается нарушение им основных законов человеческой жизни; теории Раскольниковова, допускающей убийство для немногих, автор противопоставляет стихийную логику жизни, не рациональную, как у Раскольниковова, а иррациональную, подчиняющую себе всецело молодого теоретика и разбивающую вдребезги все его положения, казавшиеся ему столь твердо установленными и ненарушаемыми. Состояние полного душевного расстройтва, в которое впал Раскольников после убийства, полной потери всех своих жизненных утверждений, мучительное и страшное состояние, показало, как бессильна личная человеческая логика, когда она идет вразрез с общими жизненными основами.

Вся противоестественность, весь ужас для человека в таком деянии, как убийство, художником освещены не в поучении, а в яркой изобразительности самого момента убийства. Ступив на ложный путь, доверившись отвлеченной теории, Раскольников должен сразу попасть в хаос, в котором теряет возможность руководить событиями и управлять собственной волей. Становится ясно, что Раскольников совершает насилие не только над другими, но и над самим собой, над своей душой и совестью. Если бы Раскольников в дни, когда он только размышлял об относительности понятий добра и зла, представил яркую картину этого убийства, если бы он мог увидеть себя с топором в руке, услышать треск черепа старухи под его топором, увидеть лужу крови, представить себя самого приближающегося с тем же окровавленным топором к Лизавете, по-детски отстраняющей его в слепом ужасе руками, — если бы он мог пережить и перечувствовать все это, а не обдумывать только теоретические решения, нет сомнения, он бы увидел, что такой ценой никаких благ купить нельзя. Он бы понял, что средства цели не оправдывают.

Двойное убийство, совершенное Раскольниковым, как-то разрушает все его жизненные устои. Им овладевают полная растерянность, смятение, бессилие и тоска. Он не может преодолеть, пересилить страшных впечатлений убийства: они его преследуют, как кошмар. В своей теории Раскольников полагал, что именно после убийства и грабежа он начнет осуществлять планы новой жизни; между тем именно самый кошмар убийства наполнил всю его последующую жизнь тоской и смятением.

В ночь после убийства Раскольников делается безвольной игрушкой ужаса и душевного расстройтва. Он с лихорадочной торопливостью мечется по комнате, старается сосредоточиться, обдумать свое положение и не может, ловит и теряет нити мыслей, засовывает украденные вещи за обои и не видит, что они торчат оттуда. Им овладевают галлюцинации, он бредит и не может отличить действительности от безумных представлений. В дальнейшем он продолжает ощущать непредвиденные последствия случившегося, предусмотреть которых он не мог. Так, он чувствует полное разобщение со всем миром и с самыми близкими людьми. Он носит маску в общении с любимой матерью и сестрой, замыкается в свое угрюмое одиночество. И хотя он теоретически оправдывает свое преступление и винит себя только за слабость воли и малодушие, но в то же время бессознательно чувствует, что пролитая им кровь делает невозможным прежнее простое

и душевное общение с любимыми людьми. Таким образом, автор обнаруживает, что нарушение вечных, свойственных душе человеческой, законов влечет за собой наказание не извне, а изнутри. Раскольников сам казнит себя тоскливым разобщением с людьми и смутным сознанием, что жизнь его искалечена, разбита. Он решает, что все дело в его слабости, в том, что он наделен дряблой и бессильной натурой. Он приходит к сознанию того, что он спасовал перед своим принципом, оказался ниже его. «Я себя убил, а не старушонку», – говорит он и выражает ту же мысль в другом месте: «Старушонка — вздор... я не человека убил, я принцип убил!»

В дальнейшем автор рисует своего героя в состоянии внутреннего расстройств и душевной борьбы. Он не находит никаких прежних интересов жизни, не может больше отдаваться ни труду, ни развлечениям. Он борется между двумя решениями: собственным прежним, говорящим ему о праве сильных, и Сони, призывающей его к покаянию и искуплению. Но личные черты, которые показывает в своем герое автор, объясняют медленный процесс душевного перерождения Раскольникова, которое совершилось в нем под влиянием Сони Мармеладовой.

По Н. Кадмину

С поразительной силой психологического анализа рисует Достоевский картину душевного состояния Раскольникова после убийства, прослеживая шаг за шагом тот процесс, который, в конце концов, заставил убийцу отдаться в руки правосудия. Чувствуя непреодолимую потребность с кем-нибудь поделиться своей ужасной тайной и тем снять хоть часть давившей его душу тяжести, Раскольников идет к Соне, девушке «падшей», с точки зрения обыденной морали, продающей себя, чтобы спасти от голодной смерти родных. В страстной, иступленной исповеди Раскольников, раскрывает сущность поставленного в романе философского вопроса.

Узнав ужасную правду, чистая сердцем Соня старается убедить Раскольникова, что он согрешил против своей нравственной природы, что ему надо искупить этот грех, «страдание принять и искупить себя им». Раскольников следует совету Сони, но исполняет его под влиянием царящего в его душе хаоса, а не потому, что разделяет взгляды Сони. Во время следствия, суда, отправления на каторгу он продолжает думать, что он, Раскольников, вошь и дрожащая тварь, не имеющая смелости переступить, стать выше добра и зла, а должны быть такие, которые смеют и обязаны иметь дерзновение. Лишь на каторге Раскольников нравственно возрождается, приняв в свое сердце любовь ко всем людям на основе христианского понимания добра. Постепенный ход нравственного возрождения Раскольникова не показан Достоевским, и оно остается в тени, бледнеет перед изображением мятежной попытки Раскольникова «переступить» нравственный закон во имя идеала гордой, властной, на все дерзающей человеческой личности.

По Н. Мендельсону

Следуя своей теории, Раскольников идет на убийство, в самый момент которого происходит непредвиденное: в незапертую дверь входит вернувшаяся домой Лизавета, сестра ростовщицы, слабое, робкое существо, которым старуха помыкала. Раскольников убил и ее. Вот тут и рухнула «арифметика», потому что это уже были две, а не одна жизнь. В ужасе, пережив минуты смертельного волнения, когда ему только чудом удалось ускользнуть из рук дворников, Раскольников убегает со своей добычей. Если бы он был алчным человеком, он не в силах был бы расстаться с украденным. Но деньги для него были только звеном в логической цепи. Убийство Лизаветы порвало эту цепь, и Раскольников спешит освободиться от награбленного добра, чтобы потом уже к нему не возвращаться. Далее начинается агония: дело Сонечки и Дуни, явное выслеживание со стороны Порфирия Петровича, инстинкт самосохранения и голос совести, а над всем этим мучительный вопрос о том, справедлива ли эта теория о двух разрядах людей. Расколь-

ников чувствует, что жить нельзя, признав подлецом человека, «вообще» человека, человеческого род, а значит, нельзя отказаться от права действовать для поддержки человека не подлеца. Но это действие причинило боль и страдание прежде всего ему самому. Он теперь уверен, что элемент страдания неустраним из жизни. «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца». «Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть». Страдание есть уже величие. На этом Раскольников и сближается с Соней Мармеладовой.

Из сознания своего несчастья и потребности искупления Раскольников предает себя в руки человеческого правосудия. Но преступление его не перед судом, а перед людьми, и людьми «низшего разряда». Соня посылает его на площадь просить прощения у народа, и он это исполняет. Конечно, никто из свидетелей этой сцены не понял ее смысла, но Раскольникову она была нужна для себя. Ведь он «не старушонку убил, а себя», и ему нужно возродиться.

После суда, в далекой Сибири, после долгого размышления над Евангелием, к которому возвратила его Соня, для него и для нее приходит успокоение и счастье. Они ждут окончания каторги, чтобы начать новую жизнь, «заплатив за нее великим будущим подвигом».

Таким образом, преступление Раскольникова — здесь буквально от слова «преступить» — повело за собой наказание, но не каторгу, а наказание в осознании своей ошибки.

По В. Максимова, С. Золотареву

Преступление совершено. Но если Раскольников в припадке может убить, то красть он не в состоянии. Он присваивает себе только две ничего не стоящие вещицы и с большими затруднениями спасается от того, чтобы не быть застигнутым на месте преступления. Теперь наступает период в его жизни, когда он может только размышлять над своим преступлением. Он уничтожает все его внешние следы, но вечно занят мыслью, как бы скрыть его, чем все больше и больше выдает себя своим преследователям. Но это еще не главное — внешние открытия не сокрушают его; что его окончательно губит, это внутреннее открытие, которое он делает: все более и более возрастающая уверенность, что он не принадлежит к числу тех избранных натур, которым все разрешается. После совершения преступления он никак не может вновь подняться на ту высоту, с которой он раньше смотрел на него:

«Наполеон, пирамиды, Ватерлоо, — и тощая гаденькая регистраторша, старушонка, процентщица, с красною укладкою под кроватью... Ползет ли, дескать, Наполеон под кровать к “старушонке!” Эх, дрянь!»

Он не раскаивается в умерщвлении старухи, продолжая считать ее жизнь бесполезной, а смерть безразличным, пожалуй, даже полезным делом. Старуха была и продолжает казаться ему чем-то побочным; убивая ее, он ведь хотел только уничтожить предрассудок, убить не человека, а ложный взгляд и переступить через пропасть, отделяющую обыкновенных людей, погрязших в будничных понятиях, от сонма избранных. Он убил предрассудок, но продолжал оставаться по ту сторону пропасти. Он безгранично несчастен, несчастнее, чем когда-либо раньше. Он не сделал ничего дурного. Он хотел только не оставить без помощи своей голодной матери, имея рубль в кармане. И как добросовестно он поступил! Он, прежде всего, проверил свои силы самым тщательным испытанием себя, убедившим его в том, что он не переступит за известные границы для удовлетворения своих чувственных потребностей, а будет иметь всегда в виду только свою великую цель; кроме того, среди всей бесполезной «вши» он выбрал самую бесполезную, и, наконец, решил, убивая эту женщину, взять лишь столько, сколько оказывалось необходимым для его ближайших целей.

А между тем, не старуху жалкую убил он, а самого себя, свое собственное «я». Его преступление превзошло его самого, оно сделало Раскольникова совершенно одиноким, отбросило его в глубину его собственного «я». Тайна терзает его до безумия, и мучение при мысли, что он такая же «вошь», как и все остальные, изводит его.

Едва успел он совершить убийство, как почувствовал себя одиноким, чуждым всем, осужденным на вечное молчание. Ему кажется, что он больше никогда не осмелится разговаривать с другими людьми. Но вскоре им овладевает безумная потребность открыть свою тайну, рассказать о ней другим. Награбленное его не интересует, у него нет и в мыслях воспользоваться им; он прячет его под камнем на месте постройки. Раскольников сам не понимает, что с ним происходит, но ему кажется, что он точно ударом топора отсечен от своего прошлого. Наступает минута, когда он готов броситься в воду, чтобы положить конец своим мучениям. На окружающих Раскольников производит впечатление сумасшедшего.

Но вот Раскольников встречает воплощение человеческого горя в его самой худшей форме: горького пьяницу, чахоточную вдову с детьми на руках без куска хлеба, благородную молодую девушку Соню, которая должна была унижить себя до проституции, чтобы добывать пищу своим маленьким братьям и сестрам — и потребность выказать великодушие, прийти на помощь ближним на некоторое время возвращает ему веру в жизнь. Однако за кратковременным подъемом духа следуют новые мучения. Его угнетает мысль, что другие, может быть, знают о его преступлении, а он играет перед ними бесполезную комедию, когда делает вид, что все это не имеет к нему никакого отношения. И действительно, один человек догадался обо всем и насквозь видит его: это гениальный юрист, следователь Порфирий Петрович. Но Раскольникова не арестовывают, не допрашивают, нет; если он впоследствии раскрывает свои уста и обвиняет себя, то это происходит исключительно в силу внутреннего душевного побуждения. Еще задолго до того, как происходит взрыв, ему кажется, что приближается момент, когда он должен открыть тайну, и он сам сравнивает чувство, испытываемое им при приближении этого момента, с тем чувством, которое проснулось в нем, когда ему показалось, что пробил час убить старуху. Но это чувство постоянно переплетается у него с пылкой ненавистью к окружающему миру; он питает убийственную ненависть к тем, кто, как он думает или боится, знают его тайну. В конце концов он с ужасом осознает, что даже о матери и сестре, которых прежде так любил, временами он думает теперь с чувством ненависти.

Но эта ненависть и это мучение порождены любовью. Если бы он не любил так сильно, ничего не случилось бы. Если бы он был сухим, черствым человеком, если бы он не был смел и великодушен, он никогда не сделался бы убийцей. Все более и более чувствует он в это время влечение к Соне, которая стала проституткой из любви к своим маленьким братьям и сестрам. Раскольникова с ней сблизило сострадание, восхищение ее благородством и чистотой, потому что ни единая капля порока еще не проникла в ее сердце. Он выражает свое уважение той, которую презирает весь мир. Она также преступила границы, она также наложила руки на человеческую жизнь, на свою собственную, пожертвовала собой и пожертвовала, по мнению Раскольникова, бесполезно; но по величю своей души она стоит высоко над ним. И мало-помалу Соня обращается в его совесть и оказывается в конце концов сильнее его. Раскольников не в состоянии противиться этой женщине, столь сильной в своем унижении и смирении, и роман оканчивается тем, что Раскольников идет в полицейский участок и доносит на себя: *«Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором, и ограбил»*.

В эпилоге, происходящем в Сибири, Достоевский заставляет надменный и разбитый жизнью характер Раскольникова смягчиться и возвращает ему бодрость духа благодаря преданной, выносливой любви Сони.